

Глава 32. Хитроумные сплетения

Цинь Вань вышел из комнаты и лишь тогда почувствовал, как спину обдало холодной испариной. Он опустил взгляд на свое ярко-алое одеяние, и в душе шевельнулось необъяснимое омерзение.

То, что произошло сегодня, было не столько карой Ян Муяня, сколько тонким, едва уловимым предупреждением.

Цинь Вань не страдал потерей памяти и прекрасно помнил всё, что случилось. Одно дело — потеря рассудка и контроля над собой, и совсем другое — те сладостные мгновения, что каленым железом выжглись в его сознании.

Он до сих пор не мог понять, что именно чувствует к Те Сюаню. Очнувшись окончательно, он бежал из той комнаты, не оглядываясь, и даже не знал, в каком состоянии оставил кузнеца.

Впрочем, Цинь Ваню не нужно было всматриваться, чтобы понять: Те Сюань ранен, и ранен тяжело. Слова Ян Муяня о том, что бедняге придется целый месяц питаться лишь жидкой похлебкой, заставили дрогнуть даже его холодное сердце. В случившемся не было вины Те Сюаня — у того и в мыслях не могло возникнуть дерзкой идеи «дергать тигра за усы». Очевидно, Глава Ян самолично заманил его в эту ловушку.

Цинь Вань пребывал в смятении. Он никогда не знал любви и не представлял, какова она на вкус. Те Сюань не вызывал у него неприязни; напротив, его простодушие и некоторая медлительность казались Цинь Ваню удобными — но лишь до тех пор, пока это помогало выполнять поручение Ян Муяня. Когда же он осознал, что Те Сюань питает к нему истинные чувства, Цинь Вань едва не лишился дара речи от испуга. Те Сюань был не чета Цянь Линю. Привязанность стража отдавала либо похотью, либо корыстным расчетом, в то время как любовь кузнеца могла быть только искренней. Именно от осознания этой чистоты Цинь Ваню становилось не по себе. Между ними ведь не должно быть ничего, кроме кровной вражды...

Цинь Вань замер в коридоре, пытаясь собраться с мыслями. Он уже решил вернуться к себе, чтобы сменить одежду, как вдруг за спиной раздался голос Яоцзи:

— Цинь Вань...

— У госпожи есть ко мне дело? — Его взгляд мгновенно ожесточился. Он обернулся и сухо поприветствовал её, сложив руки.

— Цинь Вань, выслушай меня. Клянусь, я не знала, что Глава приказал подмешать в тот чай снадобье... — В её синих глазах заблестели слезы, в голосе зазвучала мольба.

— Что сделано, то сделано. Лишние слова ни к чему. Отныне, госпожа, нас ничего не

связывает. — Цинь Вань резко развернулся, намереваясь уйти.

Но Яоцзи, двигаясь с грацией напуганной лани, преградила ему путь:

— Цинь Вань, ты же знаешь... я не смею ослушаться приказа Главы.

Он одарил её ледяной усмешкой:

— И потому решила пожертвовать мной? Послушай, Яоцзи, придет день, и я встану выше Ян Муяня.

— Ты... — Женщина в ужасе зажала ему рот ладонью и затравленно огляделась по сторонам. — Безумец! Глава отдыхает здесь же, ты ищешь собственной гибели?

— Что, страшно стало? — Цинь Вань насмешливо вскинул бровь.

Яоцзи, дрожа, отняла руку:

— Не забывайся. Не забывай, на чьи деньги были похоронены останки твоей матери. Ты не подписывал кабальную грамоту, но в тот день ты действительно продал себя, чтобы предать её тело земле...

— Хорошо, что напомнила. Нужно перенести её прах в другое место. Если наступит день, когда я обращусь против Учения Тай-и, не хочу, чтобы у него в руках оставались подобные рычаги. — Улыбка Цинь Ваня была острой и холодной, как лезвие ножа.

Яоцзи смотрела ему вслед, закусив губу. На её лице отразилась мучительная нерешительность. Лишь когда дверь за Цинь Ванем закрылась, она наконец отвела взгляд.

— Яоцзи, как он отреагировал?

Стоило женщине бесшумно притворить дверь в покои, как до неё донесся бесплотный, тягучий голос Ян Муяня. От неожиданности она застыла на месте.

Лишь спустя мгновение к ней вернулось самообладание.

— Глава... не слишком ли сильно вы на него давите?

Ян Муянь негромко рассмеялся:

— Ты слишком печешься о нём, Яоцзи. Если он дойдет до предела — тем лучше. Излишнее спокойствие нагоняет скуку, мне же хочется чего-то более острого.

— Но Глава, — не удержалась она, — Цинь Вань из тех, кто никогда не прощает обид. Зачем вам это?

Полог кровати едва заметно колыхнулся. Из-за занавеси показалась рука Ян Муяня — ослепительно бледная, лишенная изъянов. Она казалась длиннее и изящнее женской, но в ней чувствовалась скрытая мужская сила. Ногти отливали нежно-розовым, напоминая влажные лепестки «капающей Гуаньинь».

В этой холеной руке он сжимал простую роговую расческу. Обычная вещица, но, судя по благородному блеску и стертym краям, она была очень старой. Казалось, за долгие годы её бесконечно долго вертели в руках, отчего материал приобрел почти магическое сияние.

— Как думаешь, решится ли он когда-нибудь восстать против меня? — Тон Ян Муяня был ленивым, почти безразличным. — Знаешь, я ведь и сам не прочь оставить это место... Кстати, ты знаешь, чья это вещь?

Яоцзи в замешательстве предположила:

— Неужели того самого Янь Нанью?

Ян Муянь не ответил. Он убрал руку за полог. Яоцзи не видела, что происходит внутри, но была уверена: он ласково поглаживает расческу, словно драгоценность.

— Скажи... что он почувствует, когда обнаружит пропажу столь дорогой сердцу вещицы? — Голос Главы звучал загадочно и предвкушающе.

Яоцзи, немного подумав, ответила:

— Наверняка будет вне себя от горя и примется искать повсюду...

— А если не найдет? Что тогда? — Лень в голосе Ян Муяня сменилась неприкрытым, почти детским азартом.

— Поначалу будет сильно печалиться, но пройдет время, появятся другие привязанности, и он постепенно забудет об утрате.

— Верно сказано, — Глава захлопал в ладоши и расхохотался за завесой. — А теперь ответь мне: если однажды меня свергнут и мне некуда будет идти, приютит ли меня Янь Нанью?

Яоцзи на мгновение онемела.

— Лекарь Янь не кажется человеком с каменным сердцем. Возможно, сначала он будет колебаться, но если вам действительно некуда будет податься...

— Именно! Янь Нанью только кажется бесстрастным, но в глубине души он совсем иной... Что ж, я буду ждать этого момента с нетерпением. — Его голос сочился радостью, от которой по коже пробежал мороз.

Яоцзи почувствовала, как её пробирает холод. Она знала Ян Муяня с малых лет и видела, как формировался его непредсказуемый нрав, но таким безумным он не был никогда. Неужели он специально обучал своих приближенных разным техникам и потакал их гордыне лишь для того, чтобы взрастить в них семена амбиций? Неужели он намеренно вызывал всеобщую ненависть и страх, укрепляя Учение Тай-и жестокими методами, только ради того, чтобы подтолкнуть этих юнцов к мятежу? И всё это — лишь ради того, чтобы втереться в доверие к Янь Нанью?

Подобные выводы казались невысказанными. Если это правда, то как долго Ян Муянь вынашивал этот план? Яоцзи впервые осознала, что совершенно не понимает, что творится в душе её господина.

У Тяньдэ никак не мог забыть жалкий вид искалеченного Те Сюаня. Он порывался навестить его, но ледяной отказ Янь Нанью заставлял его медлить.

Прибытие Ян Муяня было обставлено с великим пафосом, однако после его появления шум быстро утих. Все, кроме У Тяньдэ, монаха Минкуна и немногих старших учеников, пребывали в состоянии, близком к трансу. Даже Цзи Сяньэр, чья внутренняя сила была не столь велика, едва не лишилась чувств под дурманящие звуки флейт, сопровождавших шествие Главы, если бы Старший брат не поддержал её своей энергией.

Но когда появилась Яоцзи, её белоснежная кожа и синие глаза — столь непривычные для Срединной равнины — мгновенно приковали к себе взгляды Чжан Ханьшаня и У Юйниня.

У Тяньдэ, всю жизнь посвятивший боевым искусствам, был чужд любовным порывам и сумел сохранить ясность духа. Минкун, будучи монахом, лишь смиренно читал сутры, опустив взор. Цзи Сяньэр же, уязвленная красотой чужестранки, лишь гневно фыркнула и отвернулась.

Когда же перед ними предстал сам Ян Муянь, большинство присутствующих и вовсе лишилось

дара речи. Даже Цзи Сяньэр не могла отвести от него глаз.

«Этот человек — само исчадие ада», — неожиданно вспомнил У Тяньдэ шепот Минкуна. И вправду, и мужчины, и женщины в равной степени склонялись перед его неземной красотой. Кем же еще, если не демоном во плоти, мог быть подобный человек? Чем больше У Тяньдэ размышлял, тем более эфемерным казался ему образ Главы Учения Тай-и. Он даже поймал себя на мысли, что не может в точности вспомнить черты его лица.

— Герой У? Вы здесь? — Голос Яоцзи, как всегда, был сладок и тягуч. Одной лишь интонации хватало, чтобы воображение нарисовало образ небесной девы.

— Да. — У Тяньдэ с сомнением подошел к двери.

После того как Ян Муянь велел всем разойтись по комнатам, люди словно по мановению волшебной палочки послушно разошлись. Все сидели тише воды ниже травы; лишь когда разнеслась весть о беде с Те Сюанем, У Тяньдэ на короткое время столкнулся с Янь Нанью. Зачем теперь Ян Муянь прислал к нему Яоцзи?

Отворив дверь, он увидел женщину во всей красе. Она была филигранно сложена, её взгляд лучился кокетством, вот только... наряды были излишне откровенны. У Тяньдэ вежливо отвел взгляд:

— Госпожа Яо, по какому делу вы пожаловали?

— Какая еще госпожа? — В нос ударил дурманящий аромат цветов, и прежде чем У Тяньдэ успел опомниться, Яоцзи прильнула к нему всем телом. — Называй меня просто по имени.

— Прошу вас, соблюдайте приличия. — Он довольно резко отстранил её. Каким бы прекрасным ни было лицо женщины, отсутствие скромности лишало её всякого очарования.

Яоцзи пошатнулась, едва не упав, и её лицо мгновенно преобразилось:

— Святоша.

— Что вы сказали? — Вспыхнул У Тяньдэ. Оскорбление его чести было для него невыносимо.

— Ничего особенного. Г-е-р-о-й У... — протянула она насмешливо. — Глава приглашает вас спуститься вниз. Старшие остальных школ уже в сборе.

У Тяньдэ хотел было ответить ей какой-нибудь колкостью, но вовремя спохватился: спорить с женщиной — дело недостойное мужчины. Он лишь молча кивнул и последовал за ней в главный зал отеля «Приют вечного спокойствия».

В зале было немногочисленно.

Ян Муянь восседал на почетном месте. Он слегка склонил голову, опираясь щекой на тыльную сторону ладони, и загадочно улыбался. Слева от него застыл Цинь Вань, справа сидел Янь Нанью.

Перед ними стоял круглый стол, за которым расположились чуть больше десяти человек — старшие ученики и наставники различных школ. У Тяньдэ заметил, что пригласили только глав делегаций; рядовых последователей в зале не было.

— Герой У, вы как раз вовремя. — Ян Муянь приветливо кивнул. Его мягкий голос и радушный вид могли бы заставить любого почувствовать себя желанным гостем, но У Тяньдэ лишь хмуро кивнул. Он знал, что Глава ведет себя так со всеми без разбора, и вряд ли это было знаком особого почтения.

— Итак, господа, раз все в сборе, я поясню причину нашей встречи. — Едва У Тяньдэ занял свое место, Цинь Вань сделал шаг вперед. Он держался уверенно и с достоинством. — Изначально Глава планировал дожидаться, пока вы закончите приготовления, чтобы вместе отправиться к сокровищнице. Однако возникли непредвиденные обстоятельства...

Собравшиеся переглянулись, не понимая, к чему он клонит.

У Тяньдэ встал и, сложив руки в жесте вежливости, спросил:

— Господин Цинь, не томите. О каких обстоятельствах идет речь?

Цинь Вань опустил взор, и на его лице отразилось такое искреннее сокрушение, что невозможно было усомниться в его словах:

— Карта сокровищ... похищена.

<http://bllate.org/book/17419/1660011>